

Голубева О.В.

Переводческая деятельность как способ познания мира*

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, 2016golubeva@mail.ru*

Аннотация. В статье изучаются когнитивные основы переводческой деятельности как динамического, профессионально-ориентированного и вместе с тем познавательного процесса в контексте естественной («живой») коммуникации. Итогом этой деятельности является вторичный текст перевода, отражающий своеобразие мыслительных процессов при решении переводческой задачи, выбора языковых средств их экспликации индивидом, а также объективную универсальность когнитивных процессов и разделяемость языковых норм их репрезентации. Результативность процесса перевода обеспечивает накопление соответствующего опыта, структурированного в виде смысловых опор, или когнитивных схем оперирования знанием об объекте, составляющих имплицитный компонент динамической структуры значения (в его психолингвистической трактовке). Влияние языковых и неязыковых факторов, способствующих возникновению смысловой неопределенности, опосредует разную степень проявления «я» переводчика в динамике преодоления трудностей. Профессионализм при решении переводческих проблем обусловлен накопленным опытом и знаниями, позволяющими выработать не только способ поиска адекватного варианта, но и оптимальные пути познавательной деятельности в целом.

Ключевые слова: динамический процесс; смысловая неопределенность; имплицитная смысловая опора.

Поступила: 17.04.2022

Принята к печати: 16.08.2022

---

* © Голубева О.В., 2022

Golubeva O.V.

Translation as a means to form a worldview*

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, 2016golubeva@mail.ru*

Abstract. The paper studies the cognitive foundations of translation, which is considered as a dynamic, professionally oriented and cognitive process integrated into the stream of natural («live») communication. The result of this activity is a secondary text that reflects the unique character of the cognitive processes behind solving the translation problem, the choice of language means of their explication at individual level, as well as the objective universal nature of such processes and the language norms of their representation. The effectiveness of the translation process ensures the accumulation of relevant experience, structured in the form of implicit «pegs», or cognitive sense-formation patterns for operating with knowledge about an object. These patterns constitute the implicit component of the dynamic structure of meaning (due to the psycholinguistic approach). The influence of linguistic and non-linguistic factors, contributing to the emergence of semantic ambiguity, mediates a different degree of manifestation of the translator's individual traits in the dynamics of overcoming translation difficulties. Professionalism in solving problems while translating is backed by accumulated experience and knowledge, which allow to find both a suitable option and efficient means of self-education.

Keywords: dynamic process; semantic ambiguity; implicit evidential sense-formation patterns.

Received: 17.04.2022

Accepted: 16.08.2022

Введение

На протяжении столетий внимание ученых к переводческой проблематике не ослабевает, поэтому актуальность поиска научных подходов к изучению перевода не вызывает сомнения. Сложность в исследовании этого феномена вызвана тем, что перевод – это комплексная деятельность, основные этапы (фазы) которой

---

* © Golubeva O.V., 2022

включают процесс понимания сообщения на исходном языке (далее – ИЯ) и формирование результата (создание вторичного текста, заменяющего исходный «в другой языковой и культурной среде» [Швейцер, 1988, с. 75]) на языке перевода (далее – ПЯ).

Определение перевода как деятельности опирается, в первую очередь, на общую целевую установку, а именно, обеспечение взаимодействия между коммуникантами, владеющими разными языками. Качество передачи информации напрямую зависит от профессионализма переводчика: его знаний ИЯ и ПЯ, глубины проникновения в культурную специфику социума и понимания составляющих ее реалий, владения переводческими методами и приемами. Таким образом, в процессе коммуникации переводчик выполняет ряд профессиональных задач, накапливает соответствующий опыт, расширяет кругозор, каждый раз делая новый шаг в освоении глубин профессии.

Современные когнитивные исследования позволили доказать, что язык как система средств репрезентации соответствующей картины мира, имеет когнитивное основание, во многом общее для представителей различных культур. Соответственно, переводчик, способный соотнести картины мира нескольких этносов, осознавая их общие черты и различия, потенциально всегда может найти адекватные средства передачи информации с ИЯ на ПЯ. В связи с этим идеи В. фон Гумбольдта и его последователей о невозможности перевода кажутся излишне категоричными.

Когнитивный подход к переводу, с нашей точки зрения, является логическим продолжением теорий, опирающихся на трактовку данного феномена как семиотического процесса. Такая взаимообусловленность вызвана рядом причин, среди которых:

- 1) универсальность связи познавательной активности человека и формируемых в процессе этой деятельности знаковых систем. По мнению Ч. Морриса, «человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, человеческий разум неотделим от функционирования знаков – а возможно, и вообще интеллект следует отождествить именно с функционированием знаков» [Моррис, 2001, с. 45];

- 2) понимание переводческой деятельности как «интерпретации вербального знака путем его транспозиции в другую систему знаков» [Швейцер, 1988, с. 43, 69];

- 3) невозможность сведения переводческой деятельности к узкосемиотической трактовке – формальной замене знаков одной системы на знаки другой по той причине, что этот процесс всегда

социокультурно и личностно обусловлен. Нельзя не согласиться с мнением А.Д. Швейцера и Р.К. Миньяр-Белоручева, что «едва ли удастся адекватно описать процесс перевода, не учитывая того, что он осуществляется не идеализированным конструктом, а человеком, ценностная и психологическая ориентация которого неизбежно сказывается на конечном результате» [Швейцер, 1988, с. 8]. Это утверждение оправдано, так как «часть моего собственного “я” всегда оставалась в переводе» [Миньяр-Белоручев, 1999, с. 160–161].

Перевод характеризуется как комплексная, профессионально и социально обусловленная деятельность, в динамике которой переводчик опирается на представление о мире, воплощенное в различных системах знаков, в том числе языковых. Переводческая деятельность всегда личностно опосредована, однако «свобода» выбора знакового средства ограничена профессиональными требованиями, языковыми и социокультурными конвенциями.

Принимая во внимание вышесказанное, мы можем определить цель настоящего исследования, состоящую в изучении специфики когнитивных процессов осуществления переводческой деятельности индивидом. В данном случае термин «когнитивный» понимается широко: как осуществление речемыслительных действий, направленных на понимание и порождение высказывания, с одной стороны, и как выработка эффективных путей обработки информации – с другой.

Обсуждение и результаты

Роль имплицитных опор в процессе перевода

Современное видение роли личности переводчика в ходе межъязыкового и межкультурного взаимодействия представлено с позиций различных научных подходов. По мнению Л.М. Алексеевой, «перевод в настоящее время стал таким видом коммуникации, содержанием которого является индивидуальное понимание текста переводчиком, т.е. предмет перевода становится личностно-ориентированным» [Алексеева, 2002, с. 7]. В связи с этим роль переводчика не может сводиться к ретрансляции входящей информации, он выступает интерпретатором, целенаправленная деятельность которого находится под влиянием языковых и неязыковых факторов.

Первая фаза процесса перевода, связанная с пониманием, позволяет предполагать, что она становится промежуточным зве-

ном, выступающим основой создания вторичного текста. По словам М.М. Бахтина, понимание – это «видение живого смысла, переживания и выражения, видение внутренне осмысленного, так сказать самоосмысленного явления» [Бахтин, 2000, с. 229].

Такое определение понимания схоже с теорией значения слова как достояния индивида А.А. Залевской, согласно которой значение в динамике «живой» коммуникации формируется с опорой на многоуровневый внутренний контекст (мультимодальный гипертекст), обеспечивающий идентификацию смыслов «здесь и сейчас». В качестве навигаторов (опорных точек) во внутреннем контексте выступают признаки «как основания для пересекающихся связей по линиям языковых и энциклопедических знаний» [Залевская, 2014, с. 133]. Как показывают результаты исследований, установление смысловых связей предполагает фиксацию схемы актуализации признака, что в совокупности обеспечивает формирование когнитивного «продукта» опыта познавательной и коммуникативной деятельности индивида, или эвиденциальной смысловой опоры (подробнее см.: [Голубева, 2016]; о процессах формирования перцептивно-когнитивно-аффективных опор см., например: [Залевская, 2014]).

Подобные субъективно значимые смысловые опоры имплицитны, они составляют выводимый компонент динамической структуры значения. Если имплицитная периферия значения слова разделяема членами социума, то она носит устойчивый характер, сохраняется в различных коммуникативных ситуациях и рассматривается как общекоммуникативная (например, *повернуть ключ в замке* значит *открыть дверь* [Комиссаров, 2017, с. 66]).

Схожие выводы подтверждены психолингвистическими экспериментами, в ходе которых испытуемые давали практически одинаковые реакции на стимул КРЕДИТ, привнося в динамическую структуру значения негативные эмоционально-оценочные смыслы. Словарное значение («1) ссуда, предоставление ценностей (денег, товаров) в долг; коммерческое доверие; 2) *перен.* доверие, авторитет; 3) отпускаемая на что-н. денежная сумма» [Ожегов, Шведова, 2006, с. 304]) содержит положительные коннотации, но смысловое «видение», опирающееся на негативный опыт испытуемых, приводит к определению кредита как *тягости, зла, воровства* и т.д.) [Голубева, 2016, с. 206]. Другими словами, лексема *кредит* становится языковым средством субъективной оценки.

Следовательно, идентифицируя значения языковых единиц в динамике коммуникации, человек формирует своеобразное представление о смысле поступающей информации на основе знаний

языкового и неязыкового характера, а также предыдущего опыта осмысления и применения накопленных знаний. Нельзя не согласиться с В.А. Пищальниковой, которая отмечает, что «структура значения – как результат и вместе с тем фактор познания внутренне динамична <...> прежде всего потому, что динамичны способы познания этого мира, зафиксированные в языке» [Пищальникова, Сонин, 2017, с. 246].

Сказанное выше дает возможность полагать, что переводимость в динамике соответствующей деятельности должна рассматриваться «не как абсолютное, а как относительное понятие» [Швейцер, 1988, с. 110]. Перевод является вторичным текстом, опосредованным опытом познавательной и речевой деятельности переводчика, демонстрирующего адекватное понимание входящей информации и искусство ее вербального выражения.

Перевод как личностно обусловленная профессиональная деятельность

Как было сказано выше, динамическая структура значения, включая ее имплицитный компонент, гибко реагирует на все нюансы процесса понимания, позволяя «домысливать», «достраивать» недостающую информацию. Память услужливо подсказывает самый экономный с позиции когнитивных усилий способ – выбрать уже проверенную предыдущим опытом схему понимания. Такая «экономия» дает возможность находить решение достаточно быстро, что особенно важно в условиях временных ограничений. Однако опора на «продукты» субъективного опыта может вызвать ошибки даже у профессиональных переводчиков.

Д. Робинсон подчеркивает, что перевод – динамический процесс семиозиса, который может осуществляться в контексте трех типов выводов (в соответствии с теорией Ч.С. Пирса): абдукции (интуитивная догадка), индукции (поиск и построение схем-паттернов), дедукции (осознанное использование и фиксация приемов, разработка правил и стратегий).

Первый тип поиска переводческого решения (a subliminal «flow» state) личностно обусловлен. Он характерен для профессиональных или достаточно опытных переводчиков, является их второй натурой (second nature). В этом случае кажется, что решение приходит само собой, без каких-либо когнитивных усилий и

формируется на основе субъективного опыта переводчика. Второй тип характеризуется наличием трудности и практической работой по ее преодолению с помощью справочных материалов, консультаций и т.д. Переводчик осознанно занят напряженным поиском, итоги которого ведут к созданию схем действий. Выводы, полученные в ходе аналитической работы, становятся прецедентами поступать определенным образом в схожей ситуации перевода [Robinson, 2003, p. 84–85]. В дальнейшем такие правила-привычки определяют действия переводчика, обращение к которым с течением времени будет происходить интуитивно, т.е. процесс снова пойдет по пути абдуктивного вывода и экономии когнитивных усилий.

Среди факторов, приводящих к отказу от абдуктивной модели поиска переводческого решения, следует, в первую очередь, назвать текст оригинала: специфику функционального стиля, своеобразие лексики, сложный синтаксис, авторские неологизмы, обилие импликаций. Эти особенности выступают предпосылками смысловой неопределенности, вызывающими затруднения при понимании. Осознанно или нет, переводчик старается уяснить смысл с помощью субъективных смысловых добавлений, замен, опущений, стараясь «подогнать» знание об описываемом событии к собственным представлениям о нем.

Кроме того на переводчика могут оказывать воздействие неязыковые факторы: например вариация целевой установки, возникающая как следствие выбора стратегии перевода и способная кардинально изменить его результат. Так, целью перевода сказки Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес», выполненного В.В. Набоковым, являлась адаптация иноязычного текста к условиям русскоязычной социокультурной среды, что привело к вольному изложению сюжета, замене имен персонажей, иному описанию их поступков.

Переводчик также может испытывать влияние со стороны имплицитно присутствующих участников процесса (заказчика, редактора и т.д.), что определяет выбор стратегии (стратегия терциального перевода). В качестве примера приводятся перехваты и перевод переговоров противника в интересах силовых структур [Сдобников, 2015, с. 156]. Таким «третьим» лицом является редактор, определяющий политику издательства, а также другие органы, следящие за соответствием перевода утвердившейся идеологии.

Процесс перевода – это целенаправленная, результативная когнитивная деятельность индивида, руководствующегося во многом результатами собственного опыта познания и коммуникации. Эта деятельность обусловлена сложным переплетением ряда экс-

плицитно и имплицитно проявляющихся факторов: когнитивных, языковых, перцептивных (визуальное восприятие объекта), культурных, идеологических (the cognitive, linguistic, visual, cultural and ideological phenomena) [Hatim, Munday, 2004, p. 6].

В условиях объективного и субъективного воздействия получаемый вторичный текст обречен стать отличным от оригинала.

Экспериментальное исследование процесса перевода как способа стимулирования познавательной деятельности

Наличие языковых и неязыковых факторов, опосредующих процесс перевода, едва ли будет подвергаться сомнению. Однако механизмы протекания этого процесса представляют трудность для изучения из-за безграничного количества вариантов перевода одного и того же текста. Поэтому можно выдвинуть *гипотезу* о том, что задействование смысловых опор как «продуктов» опыта осуществления переводческой деятельности обеспечит вариативность результата перевода (проявление «я» переводчика): от незначительных изменений по сравнению с оригиналом до значимых переосмыслений. Оправданность таких вариаций демонстрирует сформированность способа осуществления профессиональной деятельности (индивидуальный стиль переводчика), либо при наличии ошибок выступает стимулом интенсификации познавательной активности.

Проверка гипотезы должна проходить ряд этапов: 1) отбор текста на ИЯ и анализ языковых факторов, обуславливающих неоднозначность смысловой идентификации; 2) проведение экспериментальных процедур, позволяющих выявить вариации в переводе; 3) разработка методических рекомендаций по минимизации переводческих ошибок.

Среди языковых факторов ключевым, по нашему мнению, является наличие языковых активаторов смысловой неопределенности, среди которых дейктики; широкозначные и многозначные слова; прецедентные имена собственные, имплицитные, подразумевающие большой объем фоновых знаний и задающие аксиологическое восприятие; сложные синтаксические конструкции, как правило, не имеющие аналогов в ПЯ; эллиптические предложения; единицы языка, опосредующие активацию эвиденциальных смысловых опор у конкретного индивида (см.: [Голубева, 2020]).

В качестве материала исследования был выбран отрывок из романа В.В. Набокова «Speak, Memoir», который содержит значительное количество переводческих трудностей благодаря особенностям идиостиля, разноуровневым единицам, демонстрирующим разницу строя английского и русского языков.

In the drawing room of our country house, before going to bed, I would often be read to in English by my mother. As she came to a particularly dramatic passage, where the hero was about to encounter some strange, perhaps fatal danger, her voice would slow down, her words would be spaced portentously, and before turning the page she would place upon it her hand, with its familiar pigeon-blood ruby and diamond ring (within the limpid facets of which, had I been a better crystal-gazer, I might have seen a room, people, lights, trees in the rain – a whole period of émigré life for which that ring was to pay) [Nabokov, 1989, p. 64].

Проведенный на предварительном этапе анализ текста показал, что маркерами смысловой неопределенности, а следовательно, языковыми причинами вариативности перевода может служить ряд слов и словосочетаний, среди которых авторский неологизм *crystal-gazer* (... *had I been a better crystal-gazer* ...), образованный путем сложения основ слов *crystal* и *gaze*, а также форманта *-er* со значением «человек, который совершает действие, называемое соответствующим глаголом». Словарь дает единственное производное слово, построенное при помощи этих основ – *crystal-gazing* «гадание с помощью “магического кристалла”» [БАРС, 1987, с. 382]. Поэтому несложно предположить, что *crystal-gazer* следует трактовать как «прорицатель, гадалка».

Проявления смысловой неопределенности дают возможность предположить, что варианты перевода будут содержать: 1) незначительные изменения по сравнению с оригиналом; 2) преобразования, влияющие на смысл текста, но не изменяющие значение целого; 3) кардинальные трансформации смысла высказывания / его части.

Результаты экспериментального исследования

Для подтверждения гипотезы был проведен эксперимент, в ходе которого испытуемые (участвовала группа из 21 студента третьего-четвертого курсов Калужского государственного университета) должны были в течение 15 мин. перевести со словарем

приведенный выше отрывок из романа В.В. Набокова. Данная группа испытуемых обучается на переводческом отделении, что дает возможность говорить о наличии определенного опыта профессиональной деятельности. Полученные работы изучались как примеры проявления индивидуальных черт переводчика и не оценивались с позиции качества перевода.

Анализ полученных результатов перевода позволил установить, что:

1) наши предположения о влиянии языковых маркеров смысловой неопределенности на вариативность при передаче на ПЯ, полностью подтвердились. В переводах каждого из выявленных случаев смысловой неопределенности наблюдалось максимально 16 совпадений из 21 (пример *country house*) и минимально – ни одного (при передаче *would be spaced*). К сожалению, объем статьи не позволяет представить все примеры, часть из них приводится ниже;

2) в процессе перевода испытуемые опирались на индивидуально-образное представление описываемого события, что отразилось при передаче даже тех единиц, идентификация значений которых объективно не могла вызвать никаких расхождений. Так, при переводе словосочетания *country house*, хорошо известного любому, изучающему английский язык еще со времен средней школы, зафиксированы следующие варианты: привычный эквивалент (*загородный*) используется лишь в 16 случаях, помимо него отмечены *деревенский домик* (2), *деревенский дом* (2), *дачный*, что говорит о формировании субъективного образа объекта. Недостаток фоновых знаний о благосостоянии семьи Набоковых и опора на собственное представление о доме за городом, с нашей точки зрения, вызвало появление таких примеров, что свидетельствует об активации эвиденциальных смысловых опор в процессе перевода;

3) переводческая трудность вызвала отказ от поиска эквивалента и привела к опущению определенной части текста на ИЯ. Так, при переводе составного слова *crystal-gazer* подобным образом поступила почти половина испытуемых (девять из 21);

4) преодоление смысловой неопределенности в переводе предсказуемо привело к расхождениям, повлекшим различные по масштабу смысловые вариации. Так, сложная лексема *crystal-gazer* была переведена следующим образом:

– калькировалась, когда вариант, буквально передающий значение составляющих лексему словообразовательных частей, не позволяет понять смысл целого, что придает переводу искусственность (*смотритель кристаллов* (2), *хрустальный наблюдатель*);

– правильное толкование передаваемого словом понятия, связанного с профессией (увлечением), однако, ошибочный способ конкретизации рода занятий (*хрустальщик*);

– изменение оценочных смыслов. Некоторая ирония автора по поводу его способностей предсказать судьбу (*...had I been a better crystal-gazer...*) воспринимается буквально, причем с усилением оценки (*лучшим наблюдателем за кристаллами / в прозрачных гранях которого я был лучшим наблюдателем*);

– значимые смысловые изменения, связанные как с особенностями семантики, так и с внутренним, образным «видением» ситуации. В первом случае наблюдаются смысловые замены, отражающие смещение фокуса внимания с субъекта действия на само действие, совершаемое с магическим кристаллом (*я лучше видел сквозь него*), переоценку способностей совершающего действие (*...лучше разбирался в кристаллах / ...лучше разбиралась в кристаллах / я был более усердным наблюдателем / будь я внимательнее*), сопровождающуюся изменением грамматической категории наклонения и добавлением модального глагола (*я мог бы быть любопытным наблюдателем*).

Ряд вариаций отражает ситуацию, когда переводчик интуитивно представляет себя участником события и проецирует собственное видение ситуации на текст перевода. К таким примерам можно отнести варианты с проявлением гендерных особенностей, эксплицитно не выраженных в оригинале, но додуманных переводчиком (*лучше разбирался в кристаллах / лучше разбиралась в кристаллах / ...если бы я была предсказателем*). Здесь собственное «я» переводчика просматривается достаточно ясно.

Экспериментально полученные результаты выявили, что профессиональные навыки будущих переводчиков еще не сформированы. Нехватка языковых и фоновых знаний часто приводит к выбору ошибочного варианта, а недостаток профессионализма – к буквальной передаче текста на ИЯ. Активация когнитивных структур, фиксирующих схожий опыт познавательной и коммуникативной деятельности индивида, предопределяет решение проблемы по прецеденту: задействование ассоциативных связей, отражающих ступенчатые смысловые переходы, не спасает от ошибок.

В этом случае задача преподавателя – анализировать переводы обучающихся, объяснять ошибки, корректировать установку смысловых связей, определять причины переводческих неудач. Методически грамотно организованная переводческая практика может стать не только возможностью повышения профессионального уровня, но и способом развития познавательных возможностей студентов.

Заключение и выводы

Результаты экспериментального исследования дают основания сделать следующие выводы:

1) перевод должен всегда рассматриваться как профессиональная, так и познавательная деятельность. В этом случае он выступает способом мыслительной обработки текста и передачи его смысла средствами иного языка; способом познания языка и культуры другого этноса; способом накопления опыта профессиональной деятельности, т.е. способом познания мира языка, культуры в рамках профессии;

2) перевод – это деятельность, протекающая в семиотическом пространстве, позволяющая структурировать и фиксировать в памяти опыт оперирования знаками, в том числе языковыми. Поиск адекватных решений закрепляет функциональные эквиваленты на уровне индивидуального сознания: каждый раз сопоставляя знания о референте и подбирая языковые средства их передачи, переводчик фактически демонстрирует уникальный способ «видения» релевантных *ad hoc* признаков;

3) профессиональный переводчик формирует прецедентные способы и стратегии работы над иноязычным текстом. Не имеющий профессионального опыта – допускает ошибки. Создание имплицитных смысловых опор (схем), с одной стороны, ведет к формированию «чувства языка», или «шестого чувства» («a feel for language», «sixth sense») [Newmark, 1987, p. 4], с другой – не избавляет от переводческих ошибок, корректировка которых является задачей и переводчика, и преподавателя, отвечающего за его подготовку. Такая работа рассматривается как возможность оптимизировать действия переводчика по обработке информации и как стимул усилить познавательную активность и расширить кругозор;

4) процесс переводческой деятельности подвержен влиянию языковых и неязыковых факторов, порождает трудности, индивидуальный подход к преодолению которых ведет к появлению вторичного текста, где обязательно, хотя и в разной степени, проявляется «я» переводчика. Профессионально выполненные переводы (тексты) становятся средствами развития когнитивных и языковых способностей, обучения и воспитания будущих переводчиков.

Таким образом, перевод предстает одним из способов познания мира двойкой природы: субъективной с позиций своеобразия когнитивных процессов решения переводческой задачи и выбора языковых средств их экспликации, и объективной с позиции уни-

версальности когнитивных процессов, разделяемости языковых норм их репрезентации и социокультурной обусловленности.

Список литературы

- Алексеева Л.М.* Новые категории в современном переводоведении // Теория перевода: новый вектор исследований. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2002. – С. 7–12.
- БАРС = Большой англо-русский словарь : в 2 т. / Апресян Ю.Д., Гальперин И.Р. [и др.] ; под общ. рук. И.Р. Гальперина, Э.М. Медниковой. – 4-е изд., испр., с доп. – Москва : Русский язык, 1987. – Т. 1. – 1038 с.
- Бахтин М.М.* Автор и герой : к философским основам гуманитарных наук. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 336 с.
- Голубева О.В.* «50 оттенков» смысловой неопределенности // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия Филология. – 2020. – № 4(67). – С. 17–23.
- Голубева О.В.* Теория эвиденциальности выводного знания (психолингвистический подход) : дис. ... д-р филол. наук. – Тверь, 2016. – 345 с.
- Залевская А.А.* Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. – Лондон : IASHE, 2014. – 542 с.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. – 3-е изд. стер. – Москва : Р. Валент, 2017. – 408 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Как стать переводчиком? / отв. ред. М.Я. Блох. – Москва : Готика, 1999. – 176 с.
- Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика: антология / сост. и общ. ред. Ю.С. Степанов. – 2-е изд., перераб. и дополн. – Москва : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 45–97.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., дополн. – Москва : ТЕМП, 2006. – 944 с.
- Пищальникова В.А., Сонин А.Г.* Общее языкознание. – Москва : Р. Валент, 2017. – 480 с.
- Сдобников В.В.* Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода : дис. ... д-р филол. наук. – Нижний Новгород, 2015. – 492 с.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – Москва : Наука, 1988. – 215 с.
- Hatim B., Munday J.* Translation. An advanced resource book. – London ; New York : Routledge: the Taylor & Francis Group, 2004. – 373 p.
- Nabokov V.V.* Speak, Memory. An autobiography revisited. – New York : Vintage Books. A Division of Random House, Inc., 1989. – 260 p.
- Newmark P.A.* Textbook of Translation. – New York ; London ; Toronto ; Sydney ; Tokyo : Prentice Hall, 1987. – 292 p.
- Robinson D.* Becoming a translator. An introduction to the theory and practice of translation. – 2nd edition. – London ; New York : Taylor & Francis Group, 2003. – 318 p.

References

- Alexeeva, L.M. (2002). Novye kategorii v sovremennom perevodovedenii. In: *Teoriya perevoda: noviy vector issledovaniya* (pp. 7–12). Saint-Petersburg: Philological faculty of Saint-Petersburg State University.
- BARS = Galperin, I.R., Mednikova, E.M. (eds.) (1987). *Bolshoy anglo-russkiy slovar*. 4th edition. Moscow: Russkiy yazyk. Vol. 1.
- Bakhtin, M.M. (2000). *Avtor i geroy: k filosofskim osnovam gumanitarnih nauk*. Saint-Petersburg: Azbuka.
- Golubeva, O.V. (2020). Fifty shades of ambiguity. *Vestnik TVGU. Series Philology*, 4(67), 17–23.
- Golubeva, O.V. (2016). *The theory of evidential nature of inferences (the psycholinguistic approach)*. (Unpublished doctoral dissertation). Tver: Tver state university.
- Zalevskaya, A.A. (2014). *Interfacial theory of word meaning: a psycholinguistic approach*. London: IASHE.
- Komissarov, V.N. (2017). *Sovremennoye perevodovedeniye*. 3^d edition. Moscow: R. Valent.
- Minyar-Beloruchev, R.K. (1999). *Kak stat perevodchikom?* Moscow: Gotika.
- Morris, Ch.W. (2001). Writings on the general theory of signs. In: *Semiotics: anthology* (pp. 45–97). Moscow; Ekaterinburg: Akademicheskyy prospect; Delovaya kniga.
- Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Y. (2006). *Tolkovy slovar russkogo yazyka: 80 000 words and phraseological units*. 4th edition. Moscow: TEMP.
- Pischalnikova, V.A., Sonin, A.G. (2017). *Obschee yazykoznanie*. Moscow: R. Valent.
- Sdobnikov, V.V. (2015). *Kommunikativnaya situatsiya kak osnova vybora strategii perevoda*. (Unpublished doctoral dissertation). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University.
- Shveytser, A.D. (1988). *Teoriya perevoda: status, problems, aspects*. Moscow: Nauka.
- Hatim, B., Munday, J. (2004). *Translation. An advanced resource book*. London; New York: Routledge, the Taylor & Francis Group.
- Nabokov, V.V. (1989). *Speak, memory. An autobiography revisited*. New York: Vintage Books.
- Newmark, P.A. (1987). *Textbook of translation*. New York; London; Toronto; Sydney; Tokyo: Prentice Hall.
- Robinson, D. (2003). *Becoming a translator. An introduction to the theory and practice of translation*. 2nd edition. London; New York: Taylor & Francis Group.